

А. В. Ерёмин

Теоретико-методологические особенности восприятия государства и общества в религиозной традиции западного и восточного христианства

В статье уделяется внимание эволюции религиозной традиции западного и восточного христианства, определявшей вектор развития культурно-исторического процесса России и Западной Европы. С позиций культурного детерминизма и цивилизационного подхода исследуется природа различий религиозных традиций и их влияние на ход истории.

Ключевые слова: Церковь, государство, традиция, социокультурная деятельность, взаимодействие, теория, методология, подход, рациональность, католичество, православие.

A. V. Eriomin

Theoretic and Methodological Features of Perception of the State and Society in a Religious Tradition of Western and Eastern Christianity

In the article the attention is given to the evolution of the religious tradition of Western and Eastern Christianity defining the vector of developing the cultural-historical process of Russia and Western Europe. The nature of distinctions of religious traditions and their influence on the history course is investigated from positions of cultural determinism and a civilization approach.

Keywords: church, a state, a tradition, a sociocultural activity, interaction, a theory, methodology, an approach, rationality, Catholicism, Orthodoxy.

Почему культурно-историческое развитие России отличалось (несмотря на общую христианскую составляющую) от западноевропейского? С позиций культурного детерминизма (именно так, на наш взгляд, нужно анализировать эти проблемы) то необходимо уделить внимание религиозной традиции Запада и России, ее эволюции и влиянию на культурно-исторический процесс.

Самое короткое определение культуры – это мир символов, смыслов и значений. Мир символов служит средством, с помощью которого люди сознают и регулируют свою жизнь. С момента утверждения христианства в качестве ценностно-образующего фактора оно стало источником этих символов и значений, определяя менталитет общества. В этом плане четкое определение дал Б. Б. Ерасов [1]: культура – это процесс и продукт духовного производства, как система по созданию, хранению и потреблению духовных ценностей, норм, знаний, представлений, значений, символов. Культура формирует духовный мир человека и общества, обеспечивает их жизненно важными ориентациями. Религия в средние века была той формой выражения ориентаций, смыслов и значений, которая наложила от-

печаток на весь культурно-исторический процесс.

Со времени разделения церквей (нач. XI в.), когда западная церковь отходит от православной и иерархии проклинаят друг друга, закладывается два различных вектора культурно-исторического процесса. Уже с IV в. н. э. богословы на Западе стали по-разному интерпретировать некоторые понятия веры. Арий (IV в.), Пелагий (V в.), а затем Августин (354–430 г. н. э.), Ансельм Кентерберийский (1033–1109 гг.) и Фома Аквинский (XIII в.) окончательно систематизировали западную традицию христианства. Она развивалась в духе рационализма, где разуму и интеллектуальной работе отводилось ведущее место. Ступив на этот путь, христианство пошло за модерном, который сам по себе предполагает постепенную секуляризацию религии. Отношения между Богом и людьми рассматривались более с внешней юридической, чем с чисто религиозно-нравственной точки зрения. В основе этих отношений лежали главным образом идеи права и долга, а не идея любви, которая представляется в Новом Завете основой отношений Бога и людей. Как отмечал протоирей А. М. Иванцов-Платонов, «здесь, может быть, невольно отразились у за-

падных богословов особенности древнеримского умственного склада, преимущественно имевшего юридическое направление» [2]. Западные богословы утверждали, что Иисус – Бог, а не Богочеловек, ибо Дух Святой исходит от него и от Бога, следовательно, между Богом и человеком образовалась пропасть, человек должен приходить к спасению земными средствами. Отвергался постулат о двойной природе Христа – божественной и человеческой. Этот факт послужил расколу Церквей.

Систематизированным этапом постепенной рационализации западно-христианской веры и возрастания личностного фактора было учение Аврелия Августина [3]. В его трудах содержится возможность познания Бога (в православной традиции Бог непознаваем – трансцендентен), но пока не только с помощью разума, а еще и через обращение к глубинам человеческой души. Человек воспринимается как тварь. Разрыв между Богом и человеком огромен, так как Иисус есть Бог, а не Богочеловек, ибо от него исходит Дух Святой. Значит, мир земной – от дьявола, он строится на рациональности, а не на любви. Жизнь человека не связывается с Богом, что затем приведет к идее оправдания и заслуг, при которой человек земными делами обеспечивает себе спасение. В учении Фомы Аквинского [4] вообще содержится возможность разумного познания Бога. У него человек – мыслящий и деятельный. Непосредственное знание о Боге мы получаем в откровении – писании или церковном опыте, которые совершенно независимы от разума, хотя ему и не противоречат. Из этого следует, что, анализируя писания, человек может познать Бога и таким образом придти к нему.

Итак, человек может познать Бога, но ему все же пока нужно посредничество Церкви, чтобы сопоставить свой анализ писаний с общепринятыми догматами. Более того, «Церковь, располагающая в этом мире благодатными дарами, получила наместнические права даровать свойство заслуги действиям нашей свободной воли. Отсюда ее сакраментальные силы, отсюда же и практика индульгенций» [5]. В самом общем понимании индульгенция – это освобождение от греха за добрые дела. Сначала их давал папа, затем он передал их епископам и Церквям, чтобы те за денежное пожертвование Церкви, за паломничество к святым местам даровали эти индульгенции. Фактически, затем последние стали средством купли-продажи, в котором будут замешаны

даже банкиры, что послужит одной из причин реформации.

Постепенно процесс непрерывной рационализации веры привел к утрате связи непосредственного общения человека с Богом. Сначала монах Мартин Лютер [6] в Германии в 1519 г., затем Ульрих Цвингли в Швейцарии выступили с протестами против торговцев индульгенциями и их учений. Началась реформация, которая приобрела у Кальвина облик строгой системы. Она явилась причиной рационализации религии. Но, преодолевая разрыв Человека и Бога, протестанты находились по-прежнему в старой традиции, по сути усиливали рационализацию и личностное начало в вере.

Идея предопределения, когда от человека не зависит, спасется он или нет (это определяет Бог), идея оправдания верою (веруй и ты спасен) еще более «секуляризирует» религию и ведет ее вслед за модерном. Человек может общаться с Богом через писания, анализируя их. Значение Церкви резко падает. Она уже не имеет большого значения в деле спасения. Реформация создала условия для появления множества сект. Незначительность положения Церкви в процессе общения привела к тому, что многие ответвления от католической и уже даже от первоначальных реформаторских направлений создавали свои учения. Впрочем, главный принцип – инициатива в общении Бога и Человека принадлежит человеку, надо только верить, общаться с Богом через чтение Св. Писания. Пропасть между человеком и Богом огромна, потому человек изначально грешен. Однако активные действия в этой жизни, достижение успеха могут показать богоизбранность человека, а в католичестве человек может достичь спасения с помощью механизма заслуг, который Церковь освещает своей благодатью. Пассивное начало в деле спасения и стремления «быть в Боге», о чем говорит православие, их отрицание всяческого человеческого участия в деле спасения противоречит православной традиции. Участие человека в спасении в католичестве выражено хотя бы в юридическом факте заслуг, в протестантстве отсутствует и это. Такая ситуация создает условия для мирской деятельности человека, его инициативы, для развития рациональности, научного прогресса, так как само католичество уже содержало рациональность, которая усиливалась и привела к реформации.

Эпоха гуманизма, начавшаяся с XIV в., поставила в центр ценностных ориентаций человека и его красоту, способности, величие. Католическая

церковь была готова к ней, так как возможность ренессанса существовала уже в Западной религиозной традиции. Ведь, по сути дела, католичество имело в себе этику развития предпринимательства, товарно-денежных отношений. Религиозная традиция на Западе заключала в себе основы для развития среднего класса, поэтому так последовательно возникли цеховая система, гильдии ремесленников, торговый слой, мануфактуры, фабрики. Главная цель человека – материальная выгода, успех. Это в корне отличалось от православного миропонимания с его кенотическим идеалом, милосердием и покорностью, собственным уничтожением. Когда пришли идеалы механики, рационального объяснения всему, религия тоже не противилась им. Она вступила в волну рациональных объяснений веры, идеалов науки, которые возникли в эпоху просвещения и мирно уживались с религией, так как последняя стала предметом спекуляций многих ученых, философов, которые включили ее в систему научных доводов. Новое время, возникшее после эпохи гуманизма, с его идеалами ценности жизни и свободы, не имело противника в лице Церкви.

Как справедливо заметил Макс Вебер [7], рациональное действие – уже сущность капитализма, таким образом, судьба Европы – судьба рациональности. В сфере политики рациональность – демократическое общество, отсюда «рациональная бюрократия». Товарно-денежные отношения – чисто «рациональные отношения». М. Вебер видит зачатки рациональности в духе протестантизма. Но здесь можно поправить М. Вебера и сказать, что эти черты рациональности присутствовали уже на заре развития западного общества, в раннем западном христианстве, которое, в свою очередь, основывалось на принципах права и долга. Далее эта рациональность развивалась все более и более, то есть западное христианство заложило вектор развития Западной Европы. Она содержала в себе возможность реформации и возможность появления эпохи гуманизма, гражданского общества, капиталистических отношений с идеалами науки и даже логично вытекающее свержение монархии и революций.

К православному мировосприятию и влиянию его на культурно-исторический процесс России в разное время обращались многие религиоведы, ученые, богословы [8]. Однако в современной науке до сих пор нет фундаментальных исследований, которые выработали бы объективное по-

нимание православного мировоззрения и влияния его на историю России.

В православии, в отличие от западного христианства, Бог совершенно трансцендентен в существе своем, которого никогда невозможно ни познать, ни созерцать даже в будущей жизни. Здесь рационализм изначально невозможен. Иисус Христос – Богочеловек, поэтому в нем соединены царство Божие и царство земное. Человек должен через приобщение к Христу, посредством таинств и воцерковлений соединиться с Богом. Человек должен жить во Христе, строить свою жизнь таким образом, чтобы она была близка Христу, духовна, материализм здесь немислим. Православие исключает всякий рационализм, оно иррационально, места праву и долгу, юридической стороне здесь нет. Отрицание человеческого участия в деле спасения, как у Августина, Кальвина, Лютера, просто неуместно. Здесь и отличие в вопросе о первоначальном назначении быть с Богом и в Боге. «Общение лиц животворящей Троицы является моделью человеческого общества, построенного на отношениях любви. Наиболее адекватным этой модели видом человеческого сообщества является семья, важнейшее из социальных понятий православия. Любовь, а не право, как в католическом учении, православие кладет в основу общественных отношений» [9].

Естественное право в православии не стало, подобно католичеству, опорой социального учения. Если в последнем естество мира понимается в его существовании, то в православии мир обретает свою подлинную природу только во Христе. Соответственно, и подлинная природа человека проявляется не в повседневной жизни (как в западном христианстве), а в жизни, обновленной во Христе, в Церкви. Церковь соединяет небо и землю. Существующие в согласии со своей природой и замыслом Божиим человек, мир и общество находят свое бытие только в Церкви. Вне ее они пребывают во лжи и небытии, они нелегитимны с точки зрения божественного закона.

Итак, в своем истолковании начал социальной жизни православие исходит из их божественного происхождения, всегда устанавливает их связь с Божеством. Социальная жизнь является, прежде всего, ареной борьбы духовных сил Добра и Зла. Критериями в ее оценке выступают нравственные начала, а не социальные законы. Скрепками общественной жизни в православии являются преимущественно любовь и благодать, а не справедливость и закон. Основными началами соци-

альной этики являются служение и покорность, а не творчество и свобода. «Принципы социальной этики часто формулируются как принципы этики индивидуальной. Так, особенности государственной этики воплощаются в особое христианское призвание и ответственность властителя, монарха. Воспринимая социальную деятельность по образцу Церкви, православные склонны проецировать главу Церкви на главу общества, главу государства. Монарх является «помазанником Божиим», представителем подлинного начальника и управителя – Христа» [Там же]. Являясь главой государства, монарх отвечает перед Богом за всех своих подданных, заботится об их благополучии и нравственной чистоте, о порядке и безопасности, о могуществе и о богатстве державы, о вере и положении Церкви. В православном понимании самодержавия (в отличие от католичества) подчеркивается ответственность монарха перед Богом, а не перед подданными, а власть воспринимается как бремя служения, а не сила превосходства.

Индивидуальный характер христианского благочестия, однако, дополняется соборным единством христианского исповедания. Со времен славянофилов соборность стала ключевым понятием не только православной экклесиологии, но и православной социологии. «Подобно тому, как в Церкви соборность подразумевает полноту и целостность всех, объединенных верой и любовью во имя Божия, так и в жизни общественной соборность подразумевает точное единение, в котором преодолеваются вражда и отчужденность и достигается органическое, построенное на солидарности и духовных ценностях общественное целое. Соборность, раскрытая В. Соловьевым в принципе «всеединства», предполагает такую целостность, в которой часть немислима вне целого, а личность немислима вне свободного единства личностей. Общество должно служить личности, а личность – обществу. Принцип соборности является основополагающим социальным принципом, сквозь призму которого должны рассматриваться остальные понятия социальной доктрины православия» [Там же].

Государство с православной точки зрения – организованное общение людей, связанных между собой духовной солидарностью и единством. Оно имеет очень высокое духовное значение для православия. Это – соборная жизнь народа, но реализованная во «внешних» делах и потребностях. Государство, объединяющее людей, есть онтологическое и волевое начало божественного

порядка и власти в этом мире, охваченном хаосом. Оно призвано оградить человека от греха. В этом смысле государство, подобно Церкви, находится между Богом и Миром, точнее, между Миром и Церковью, и имеет своей целью приводить людей к спасению, к Церкви. В своем глубоком истоке цели Церкви и государства едины. «Православное миропонимание, сформировавшее доктрину симфонии властей (духовной и политической), – пишет А. Шмеман, – “отвергает” отделение Церкви от государства – не в “институтивном”, “юридическом” плане (какой в конечном счете только и признается на западе), но в плане утверждения их общей перспективы, соотносительности с одной и той же целью» [Там же]. Отсюда вытекает то, что государство ставит себя на службу Церкви, ограничивает свою материальную власть во имя духовной власти Церкви. Последняя отстраняется от мирских дел, чтобы полнее отдаваться божественному служению. В этом случае становится возможной и жизненно плодотворной концепция «симфонии» Церкви и государства, разработанная в православном богословии.

Следующим источником своеобразия православного понимания социальной действительности, которая сформулируется уже в более позднее время, является его национальная ориентация, выраженная в понятиях Родины и православного народа. Любовь к Родине сопряжена с любовью к собственному народу: Родина есть духовная жизнь народа. Личность может существовать в качестве личности только в творческом единении с духом всего народа.

Можно задать вопрос: изменилась ли православная традиция? С уверенностью можно ответить – нет. Охрана традиции – это основа существования православия. Оно традиционалистично по сути. Борьба с «обновлением» Церкви, с ее секуляризацией велась на протяжении многих столетий. «Обновление» – это главная опасность для Церкви. Как справедливо заметил Константин Костюк, изначально «Церковь ориентирована на христианское государство, на христианское общество и поэтому с большим трудом воспринимает реалии современной секулярной эпохи» [Там же]. В этой последней фразе уже содержится проблема сегодняшней жизни. Многие исследователи критикуют РПЦ за архаичность ее социальной концепции. Акцентируют свое внимание на большом влиянии православного фундаментализма, и часто называют Церковь фундаменталистской по своей сути, смешивая это по-

нятие с традиционализмом, который является важнейшей чертой православия [10]. Утверждается, что Церковь должна спуститься до зоны светскости и «судить себя перед современным безрелигиозным обществом» [11]. Однако сохранение традиции, предания – это главное условие существования самого православия. В этом оно есть *ortho doxa* («правильная вера») и опирается на богословские догмы и основания веры, а также защищает их. Большинство священников – традиционалисты, и их беспокоят, как и всю Церковь, антиморальные проявления современного мира и упадок нравственности. Другими словами, проявления модерна. Об этом часто говорит патриарх Алексей II и официальные церковные лица. Например, в этом плане показательны выступления митрополита Кирилла (председателя отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата), посвященные критике либерализма [12]. РПЦ не приемлет модерн во многих его проявлениях. Если западное христианство пошло по пути секуляризма, модерна и тем самым не препятствовало развитию рациональности, то учение православия не мыслит этого. Труды отцов Церкви и великомучеников составляют предания, которые необходимо свято хранить. «Что значит быть христианином? Значит и веровать право, и жить свято, и освещаться таинствами, и слушаться руководства пастырей, и Церкви Божией православной принадлежать, и все повелеваемое строго исполнять» [13]. Святитель Игнатий (Брянчанинов) замечал: «Не будем вводить ничего нового! Последуем с точностью учению, преданному святою Церковью, учению, преданному святыми апостолами и святыми отцами! Главная причина нестроения Церкви заключается в том, что правила святых апостолов, соборов и отцов оставлены без внимания, даже забыты, а заменены они выдумками, чуждыми духа Церкви... уничтожающими самый дух Церкви при оставлении одного наружного благоприличия в некоторой степени и форме» [14].

Слова православного святителя, произнесенные много лет назад, были своеобразным предупреждением опасности постоянного обновления Церкви. В последнее время все больше западных исследователей говорят не только о постхристианской эпохе, когда влияние Церкви практически отсутствует, но и о постепенном упадке веры. Причиной тому – постоянное обновление и нарушение догматов.

«В либеральной ФРГ процесс фактического исключения христианства из всех решающих об-

ластей культурной, политической и общественной жизни зашел уже между тем так далеко, что следовало бы говорить о конце Церкви в стране» [15] Кьеркегор отмечал, что от христианства осталась еще форма, она продолжает существовать, но сам дух и субстанция христианства исчезли. Трельч полагал, что мы вступили в специфическую фазу истории христианства. Он обозначал этот этап как конец догматической эпохи. «Даже Церкви и теологи, стараясь приспособиться к духу времени, все более отказываются от христианских догм. Сегодня уже нет дискуссии о христианстве, а есть лишь различные прения. Каждый человек может найти для себя по личному вкусу из рассыпавшейся догматики христианства то, что ему нравится. “Следствием распада догматики и эволюции Церкви и теологии” становится утрата религией всякого влияния на политические устои и культурные взаимоотношения государства. Бог рассматривается лишь как понятие, с которым не связывается никакая действительность. Фундаментализм, при правильном понимании, и свобода – взаимосвязаны» [Там же с. 226], – полагает автор.

Мы не будем встречать в богословские споры. Для нас важно одно – православная традиция не изменялась на протяжении нескольких столетий. Да, были церковные реформы Никона, но традицию они не нарушили. Оказывая значительное влияние на большинство населения России, Церковь охраняла традицию. Различные секты, общины протестантов, главным образом пресвитериане и баптисты, были в России. Но они не были способны привлечь широкие массы православного населения страны. Протестантские и католические учения были лишь продуктом Запада, а не местной религиозной традиции. Эта традиция охранялась не только Церковью, но и государством.

Большое значение здесь имела и идея «Москва – третий Рим». Впервые она была сформулирована около 1523 г. ученым монахом псковского Елизарова монастыря Филофеем в послании дьяку Великого князя Василия III М. Г. Миссюрю-Мунехину. Филофей возводит русскую государственность к «Ромейскому царству», к эпохе Августина (кон. I в. до н. э. – нач. I в. н. э.), устанавливая с ним генеалогическую связь рода русских князей Рюриковичей через его мифического брата Пруса. При этом «Ромейское царство» не исторически определенное и приходящее государственно-политическое образование, но духовная по своей природе, неразрушимая функция, носи-

телями которой в принципе могут быть различные государства. Кроме того, «Ромейское царство», современное земной жизни Иисуса Христа, является вместилищем первоначальной апостольской Церкви. Ни Великий Рим, ни греческое государство, по Филофею, не смогли сохранить в неповрежденном виде «Ромейское царство» и одухотворяющую его христианскую Церковь. Россия же является их наследницей, она восприняла в себе и это царство, и эту Церковь непосредственно. Идея «Москва – третий Рим» была подхвачена и развита последователями Филофея. Митрополит Макарий включил ее в свои великие «Четьи – Минеи» – свод Житий Святых и произведений религиозно-нравственного характера. Присутствует она и в грамоте об учреждении Московского Патриаршества (1589 г.).

В силу узости рамок данной статьи мы не можем подробно рассматривать, как православная традиция влияла на культурно-исторический процесс и на развитие государственности. Необходимо только сказать, что, оберегая себя и общество от проникновения западно-христианской веры, охраняя православную традицию, Церковь «пошла на подчинение» государству. Тем самым нарушилась византийская концепция «симфонии». Этот процесс совпал и с усилением централизации государства, которому такое состояние государственно-церковных взаимоотношений было необходимо в свете укрепления авторитета власти. Соединяясь с государством, Церковь обеспечивала охрану традиции со стороны власти и транслирование православных ценностей на общество. Огромная часть населения в истории России изначально не была предрасположена к тому историко-культурному развитию, которое существовало на Западе. В этом кроются трудности современного демократического общества и развития рыночных отношений в России.

До 1917 г. большинство населения России (до 90 %) составляли крестьяне, жившие преимущественно в рамках иррациональных (исповедовали православие). Такая картина наблюдалась и в других слоях общества. Безусловно, менее выраженная, в силу меньшей воцерковленности, православная традиция была государственной идеологией, пропитывающей все слои населения.

Казалось бы, в советский период дело обстоит иначе. Но религиозность была заменена псевдорелигией, когда существовала вера в коммунизм – светлое будущее (аналог миссионерской идеи православия), особое почитание власти, невыраженность личностной инициативы, упова-

ние на власть («за нас все кто-то сделает»). Сталин, Ленин воспринимались как Боги, члены ЦК были подобны святым, портреты вождей – иконам. Поэтому культ вождя – зерно на благодатной почве. Присущий советскому обществу коллективизм – подобие соборности. В обществе существовала атеистическая идеология, с одной стороны, с другой – религиозная традиция. Сформированности политической культуры, которая необходима для развития гражданского общества, не было.

Что же мы наблюдаем в современной России?

Во-первых, демократические ценности и рыночные отношения невозможно «привить» за 15 лет. Это вопрос ментальности. «Коллективное бессознательное» (по Юнгу) дает о себе знать. В обществе действуют ментальные типы действия, которые существовали столетия.

Во-вторых, большинство Россиян не идентифицируют себя с личностью активной, способной влиять на жизнь в социуме, не обладают развитой политической культурой.

В-третьих, истинное гражданское общество – это еще и правовое общество. Но правовое общество может существовать, когда все предельно рационализировано. Где закон – это слово с большой буквы (а не «дышло, куда повернул туда и вышло»). Российский человек, если знает, что можно сделать незаконный акт на благо себе и остаться безнаказанным, так и сделает. Если на Западе чиновник знает, что не задержится на своем месте, если будет плохо делать свое дело, то про нашу страну мы такого не можем сказать. Гражданская ответственность развита очень слабо.

В-четвертых, человек, который идентифицирует себя с православием и, более того, воцерковлен, будет стараться быть последователем Церкви. Известно, что РПЦ принимает не все ценности либерализма, демократии. Свобода, например, понимается в духовно-нравственном плане как свобода от соблазнов, искушений, привычек: человек должен быть активным в воцерковлении и спасении, а не с точки зрения светской, мирской жизни. Таким образом, современное понятие гражданского общества может совершенно по иному интерпретироваться и иметь религиозную наполняемость, а не быть чисто светским.

Россия – многонациональная страна, в которой существуют множество конфессий. В истории нашей страны не было места национальным конфликтам на почве конфессиональной принадлежности. Во многом это обеспечивала миро-

творческая деятельность РПЦ. Поэтому богатый опыт сотрудничества с другими конфессиями и прежде всего со второй по величине в России – мусульманской – позволяет обеспечивать стабильность в современном российском обществе.

Немалую роль в этом играет и интеллигенция современной России. Как интеллектуальная элита государства она обеспечивает воплощение в жизнь ценностей нравственности, мира и гуманности. Она всегда являлась и является той силой, которая поворачивала представителей разных конфессиональных групп лицом друг к другу с целью найти пути к взаимному сотрудничеству и созидательному сосуществованию. Так, в современной России на сегодняшний день разработано законодательство в лучших традициях демократического общества, которое обеспечивает правовые гарантии в вопросах свободы совести и вероисповедания, позволяет решать многие проблемы религиозной сферы. Вместо законодательства о религиозных культах (1929 г.) был принят Закон СССР от 1 октября 1990 г. «О свободе совести и религиозных организациях», а затем Закон РСФСР от 25 октября 1990 г. «О свободе вероисповеданий». Изменения в религиозной сфере были закреплены в Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. В статье 14 Конституции РФ подчеркивается, что «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», а все «религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» [166]. 19 сентября 1997 г. Государственной Думой РФ был принят Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», который явился окончанием формирования законодательной базы в религиозной сфере.

Конечно, в современной России существует ряд проблем, обусловленных во многом нечеткостью законодательства, а также отсутствием законодательных актов по некоторым важным вопросам деятельности религиозных объединений. Однако в целом существующая правовая база – большая заслуга интеллигенции современной России, а ее осуществление в жизни и соответствие конституционным нормам – прямая задача интеллектуальной элиты нашего государства. Во многом благодаря представителям интеллектуальной сферы становится возможным осуществление конференций, семинаров, «круглых столов», на которых представители различных конфессий совместно обсуждают проблемы современности. Например, инициативы Московской Патриархии поддерживаются Российской Акаде-

мией Государственной Службы, в которой подобные конференции – довольно частое явление. Так, в Москве в марте 1993 г. в Российской Академии Государственной Службы состоялась конференция «Религия, национальное согласие и возрождение России». В ней приняли участие представители Русской Православной Церкви, мусульмане, католики, протестанты, иудеи, буддисты, кришнаиты. Присутствовали представители СМИ и ученые.

Этноконфессиональная стабильность во многом зависит от того, насколько тесно представители интеллигенции современной России будут взаимодействовать с ведущей конфессией России – Русской Православной Церковью. Не только в XX в., но и в конце XIX в. интеллигенция стала отходить от Церкви в силу обособленности последней. Элита нации существовала отдельно от Церкви. Так, например, в отличие от западноевропейских, российские университеты изначально не имели теологических факультетов. Духовенство было замкнутым, получало образование в семинариях, доступ в которые для представителей других сословий был ограничен. В советское время существовала идеология атеизма, которая в современной России никак не может обеспечить этноконфессиональную стабильность. Современное российское общество переживает нелегкие времена. В ценностных ориентациях россиян образовался вакуум. Все чаще говорят о выработке национальной идеи, которая сплотила бы общество. В связи с этим огромное значение приобретает внимание к культуре и традициям своей страны, ибо в их основе содержатся те скрепы, которые могут консолидировать людей. Все актуальнее становится значение социальной деятельности РПЦ в современной России. Не стоит лишний раз доказывать то, что культурно-исторический процесс России целиком лежал в русле православного мирозерцания, а потому культура по сути своей была православной. Менталитет многих поколений нашей страны воспринимал государство и общественное устройство сквозь призму православного мирозерцания.

На взгляд автора, критика РПЦ, связанная с тем, что она в современной России остается религией № 1 и доминирует во всех сферах общественной и государственной жизни, а ее социальная деятельность является ведущей, что способствует нарастанию межнациональной розни, необоснованна.

Православие наднационально. Об этом высказывался еще в 1991 г. Алексей II: «Православие никогда не носило шовинистический характер, не выступало с позиций антисемитизма, потому что мы всегда руководствовались словами апостола Павла, который говорил, что во Христе нет ни эллина, ни иудея. Сегодня мы продолжаем ту же линию» [17]. Этническая рознь для православия немыслима, так как огромный опыт сотрудничества с другими конфессиями и миротворческий характер социальной деятельности РПЦ просто отвергают саму мысль о возможности этнического разобщения. Ситуацию в современном обществе, когда государством православию отдается ведущее место в иерархии значимости его в культурно-историческом процессе и обеспечении существующей стабильности в обществе, при которой всем другим религиозным организациям обеспечивается правовая гарантия их существования, официально признается всеми лидерами конфессий. Однако юридическое закрепление статуса традиционной религии и вытекающие отсюда преимущества в сфере государственно-церковных взаимоотношений с религиозными объединениями воспринимаются, за исключением религий, поставленных в один ряд с православием в Законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» [18], как нарушение их прав.

В России в конце 90-х гг. стали появляться новые концепции государственно-церковных взаимоотношений: например, проект, разработанный кафедрой религиоведения РАГС, или концепция государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями РФ, представленная Институтом государственно-конфессиональных отношений и права в сотрудничестве с Главным управлением Министерства юстиции РФ по г. Москве. Появляются и проекты Закона о традиционных религиях. Но эти предложения до сих пор активно обсуждаются и не являются официальными Законами РФ. По мнению автора, та конфессия, последователями которой являются 75–80 % верующих, которая обеспечивает этноконфессиональную стабильность в обществе, вправе рассматриваться традиционной с юридической точки зрения, поскольку фактически таковой она сейчас и является. Опыт западных стран показывает, что практически во всех государствах определяется та религия, которая является ведущей и имеет огромный вклад в историко-культурное развитие страны. Права таких конфессий юридически закреплены.

Та сила, которая способна обеспечивать этноконфессиональную стабильность в государстве, при всех соблюдениях демократических норм гражданского общества, чьи ценности находятся в основе культурно-исторического развития страны, в праве претендовать на то, чтобы ее идеалы и ценности стали национальной идеей для страны. Государство может существовать и развиваться лишь тогда, когда оно будет сплоченным, когда уделяется внимание собственной культуре и традициям.

Важнейшую роль в этом может играть интеллигенция, так как сформировать уважение к своей культуре и традициям может только она. Так, например, невозможно без интеллигенции решить вопрос о преподавании основ православной культуры или курса по религии в образовательных учреждениях. Но для этого Церковь и интеллектуальная элита должны сделать шаг навстречу друг другу. Без инициативы интеллигенции и, что еще более важно, преодоления своей замкнутости самой Церковью, это невозможно. Каким бы большим злом не казалось РПЦ обновление ее социальной деятельности, существование РПЦ в современном мире требует активного участия Церкви в жизни социума.

Необходимо отметить, что 75–80 % верующих считают себя приверженцами православия. Но большинство из них не являются активными последователями Церкви. Существование РПЦ в современном мире требует активного участия Церкви в жизни социума. Для этого ей необходимо строить социальную концепцию по канонам гражданского общества, поэтому она начинает делать шаги к светскому обществу, к той его части, которая считает себя приверженцами православия, но не воцерковлена. Принятые Юбилейным Архиерейским Собором 2000 г. «Основы социальной концепции РПЦ» [19], сформулированной на принципах гражданского общества, – первый шаг РПЦ навстречу обществу. Это значит, что границы церковных храмов расширяются, и Церковь сможет решить проблему, которую ставит перед ней современность.

Примечания

1. Ерасов Б. Б. Социальная культурология. М., 1996.
2. Иванцов-Платонов А. М. Протоирей. О западных вероисповеданиях. М., 1984. С. 7.
3. Августин А. Избранные сочинения блаженного Августина, епископа исповедания, заключающиеся в 13-ти книгах. М., 1787.

4. Боргош Ю. Фома Аквинский. М., 1975.
5. Иванцов-Платонов А. М. Протоирей. О западных вероисповеданиях. М., 1984. С. 7.
6. Эрик Эриксон. Мартин Лютер. М., 1996.
7. Вебер Макс. Избранные произведения. М., 1990.
8. Флоровский. Г. Прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991; Ильин И. А. Церковь и государство. www.civitasdei.boom.ru; Тихомиров Л. А. Христианство и политика. М., 1999; Соловьёв В. С. Византизм и Россия. www.civitasdei.boom.ru; Струве Н. Православие и культура. М., 1992; Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996, Русское православие: вехи истории. М., 1989 и др.; Федотов Г. П. Русское религиозное сознание // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 1. СПб., 1991; Карташов А. В. Очерки по истории русской Церкви. В 2-х т., М., 1992 и др.
9. Костюк К. Становление социального учения в православии // Социально-политический журнал. – 1997. – № 6. – Режим доступа: www.civitasdei.boom.ru
10. В настоящее время систематическое внимание проблеме уделяют К. Н. Костюк, С. Филатов, иг. Вениамин, М. Ситников, А. Кырлежев, К. Касьянова, Н. Николаев, Б. Фаликов, А. Верховский, А. Малащенко и др.
11. Кырлежев А. Безрелигиозное христианство в «совершеннолетнем мире»? Знамя. 1995. № 10. С. 178.
12. Кирилл (Гундяев), митр. Смоленский и Калининградский. Обстоятельства нового времени: либерализм, традиционализм и моральные ценности объединяющейся Европы. Независ. газета, НГ – религии, 1999. 26. V; Норма веры как норма жизни: проблема соотношения между традиционными и либеральными ценностями в выборе личности и общества. VIII Международные Рождественские образовательные Чтения. М., 2000. 7–9. II и др.
13. Феофан Затворник. Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. М., 1892. С. 73.
14. Соколов Л. Епископ Игнатий Брянчанинов. Т. 2. Приложения. Киев; 1915. С. 67.
15. Гюнтер Рормозер. Кризис либерализма. М., 1996. С. 223.
16. См.: Конституция Российской Федерации. М., 1993. С. 8.
17. См.: Интервью Би-Би-Си, опубликованное в «Панораме». № 14, декабрь 1991; Пригорин А. Патриарх и политики // Вестник Русского христианского движения. 162/163. II, III. 1991. С. 327.
18. См.: Федеральный Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Нормативные акты. Судебная практика. М., 2001. С. 47.
19. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Изд-во Московской Патриархии, 2000. – Режим доступа: www.Russian-orthodox-curch.org.ru